

Поль Лакруа Фердинанд Сери

Средневековье и Ренессанс. Том 2

2026

УДК 82-1
ББК 84(4Фра)5-44
С32

Сери, Поль Лакруа Фердинанд

С32 Средневековые и Ренессанс. Том 2/ Поль Лакруа Фердинанд Сери. —
М. : Bookstart, 2026. — 506 с.

ISBN 978-5-0061-0346-7

Том демонстрирует синтетический подход серии, где высокая схоластика соседствует с местными диалектами, а хирургия — с искусством миниатюры. Включение таких тем, как игральные карты и часовое дело, подчеркивает стремление создать всеобъемлющую панораму материальной и интеллектуальной жизни эпохи.

**УДК 82-1
ББК 84(4Фра)5-44**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

ISBN 978-5-0061-0346-7

© Антонов В. А., перевод, 2026
© Bookstart (ООО «БУКАБУМ»), оформление, 2026

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. — НАУКИ И ИСКУССТВА.....	5
ФИЛОСОФСКИЕ И СХОЛАСТИЧЕСКИЕ НАУКИ.	6
ХИМИЯ И АЛХИМИЯ.	56
ХИРУРГИЯ.	89
ФАРМАЦИЯ 120	
МОРСКОЕ ДЕЛО	131
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. — ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА	187
ЯЗЫКИ	188
ПАТУА (Местные говоры).....	224
ПОСЛОВИЦЫ.....	257
НАРОДНЫЕ ПЕСНИ, НОЭЛИ И ПРОЧЕЕ	277
РОМАНЫ.....	311
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. — ИЗЯЩНЫЕ ИСКУССТВА.....	347
РУКОПИСИ.....	348
МИНИАТЮРЫ РУКОПИСЕЙ.	381
ПЕРГАМЕНТ, БУМАГА	404
ИГРАЛЬНЫЕ КАРТЫ.....	416
ЧАСОВОЕ ДЕЛО.	463
ГОБЕЛЕНЫ.....	484

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. — НАУКИ И ИСКУССТВА

ФИЛОСОФСКИЕ И СХОЛАСТИЧЕСКИЕ НАУКИ.

Во все времена история развития философских наук, собственно говоря, есть история развития человеческого разума. Формы, которые принимает философское изучение, то есть поиск первоначальных истин, неизбежно весьма разнообразны; но при всех этих формах один и тот же поиск стремится к одной и той же цели. Желание знать естественно для всех людей, говорит нам Аристотель в начале своей «Метафизики». Поскольку это потребность природы, наука, имеющая целью удовлетворение этой потребности, должна поэтому всегда быть в чести: она всегда в чести, действительно, но, в зависимости от времени, с большим или меньшим рвением, пылом и успехом. Поскольку ее предметом является познание принципов, которые должны служить правилом, как в логическом, так и в нравственном порядке, для различных энергий души, то успехи этой науки и успехи человеческого разума должны поэтому всегда быть одновременными и взаимосвязанными. Никогда эта взаимосвязь не была более очевидной и более совершенной, чем в Средние века.

В первые века, в ту эпоху, когда все традиции античности кажутся утраченными, мы, несомненно, встречаем несколько человек, чью жизнь и мнения должны были поведать нам ученые анналисты Брукер и Теннеман; но вся философия этих почти одиноких мыслителей сводится к небольшому числу более или менее темных афоризмов. После них появляются на сцене некие гордые, непокорные доктора, жаждущие быть названными учителями школы, которые ведут активную пропаганду в пользу некоторых безрассудных новшеств. Вокруг них стекается толпа, и вот начинают вновь закладывать основы науки. Когда же позднее мы видим новое общество, которое учреждается на основах нового права; когда мы становимся свидетелями прекрасного зрелища, которое являет нам в тринадцатом веке дух Средневековья, борющийся с варварским духом и уже одержавший столько же триумфов,

сколько дал сражений, — мы в то же время видим философскую науку, занимающую все умы, которым она открывает неведомые пути; и мы уже не можем сосчитать число кафедр, одновременно возникающих повсюду, мы уже не можем составить список знаменитых докторов, которые приходят продолжать столь долго прерванное дело Платона и Аристотеля, освободить мысль, вновь завоевать ее древнюю область и даже — ибо эта слава принадлежит им — раздвинуть ее границы. Этой эпохе приходит на смену другая: Франциск I восседает на троне Франции; Лев X царствует в Ватикане: победа цивилизации окончательно провозглашена. Для мысли это не время покоя, а время наслаждений; она бежит от трудных троп, усеянных столькими препятствиями, которые школа называла тривиумом и квадравиумом, и просит воображение улаживать ее своими прихотями. Что же становится тогда с философией? Это уже не наука, которую стараются приобрести тяжкими трудами; это искусство, которое культивируют ради доставляемого им удовольствия.

Таковы фазы, которые должна пройти философия в этот период своей истории. Когда этот период заканчивается, с другой философией начинается современная эра. Так идут дела в этом мире: последовательность усилий, борьбы и прогресса.

§ 1. От возрождения словесности на Западе до конца двенадцатого века.

Употреблять весьма напыщенный термин «возрождение словесности» для слабого подъема, который приняли занятия, когда, после последних потрясений варварского нашествия, несколько докторов внезапно появились среди руин, — значит придавать слишком много значения. Это будет, если угодно, первый признак возрождения. Среди учителей того времени мы назовем прежде всего Марциана Капеллу, автора «Сатурналий». Он обладал умом, малым вкусом и еще меньшей ученостью. Не нужно искать у него доктрины; он даже не подозревает, что это может быть; но в его книге мы находим разделение обучения, которое было принято Кассиодором, Исидором Севильским, чтобы затем

быть переданным основателям наших первых школ и сохраняться на протяжении всего Средневековья: это различие семи свободных искусств.

Не будем дольше останавливаться на Кассиодоре; пусть нам будет достаточно сказать, дабы почтить его память, что во времена, когда Церковь скорее препятствовала, чем поощряла возобновление занятий, он был монахом и литератором. Исихор Севильский, живший после него, в седьмом веке, лишь повторял определения. Беда Достопочтенный нашел кое-что большее, но без особого понимания, куда это может привести. Конечно, это не славное начало для средневековой философии.

Однако вот и другие доктора. Откуда они пришли? Неизвестно точно; но считается, что они получили сокровищницу науки в весьма отдаленной школе, на земле, существование которой было неизвестно варварам. Там, в дни бурь, укрылись бы несколько человек, воспитанных в великих школах Галлии и Бретани, которые сохранили бы традицию высших занятий и уберегли от разорения самые знаменитые памятники древней философии. Ученые нашего времени все еще пытаются обнаружить текст, который позволил бы им достоверно установить, был ли этот приют науки в Шотландии или же в Ирландии. Как бы то ни было, оттуда спустились на континент в девятом веке Климент и Иоанн Скот Эриугена, оба преподававшие во Франции, в дворцовой школе, недавно основанной под покровительством Карла Великого и под руководством Алкуина. Климент был грамматиком; Иоанн Скот — философом. Какова его философия? Философия Парменида, прокомментированная одним из последних учеников Александрийской школы. Когда после чтения того, что осталось от Алкуина, Эйнхарда и их современников, открываешь книгу «О разделении природ», то сперва поражаешься изумлением и спрашиваешь себя, какую странную фигуру должен был представлять при дворе Карла Лысого этот человек, который разнообразием своих познаний, свободой своего ума, мужественной силой своего гения снискал себе, даже в наши дни, страстных почитателей. У нас есть

основания полагать, что из его слушателей меньшая часть могла его понимать. Также он не оставил непосредственных учеников. Это очаг света, появляющийся внезапно среди ночи и гаснущий без следа.

Поспешим сказать, что если современники Иоанна Скота слушали его с большим удивлением, чем пользой, это не было большим несчастьем. Доктрина трактата «О разделении природ» есть, если можно так выразиться, замкнутая доктрина; это последнее слово философской секты. Чтобы же образование умов шло регулярным путем, было необходимо некоторое время удерживать их на началах науки. Алкуин, обладавший познаниями более разнообразными, чем глубокими, хорошо начал это скромное обучение. Его продолжил с еще большим успехом его любимый ученик, будущий архиепископ Майнца, Рабан Мавр. Покинув школу в Туре, Рабан поспешил вернуться на родину. Какие же сокровища науки он собрал на чужом берегу, и чему можно было научиться у одного из главных учеников знаменитого Алкуина? Все его юношеские товарищи собрались вокруг него, умоляя говорить. Он ничего другого и не хотел, и, поскольку монахи Фульды призвали его в свой дом, он там стал давать публичные уроки. Эти уроки имели большой успех, и школа Фульды вскоре стала рассадником молодых докторов, которые затем разошлись по Германии, распространяя учение своего учителя. Эта доктрина не есть доктрина Иоанна Скота, и мы должны изложить ее в нескольких словах, чтобы показать, как с самого открытия школ старые проблемы были вновь поставлены на повестку дня и по-разному решены. Иоанна Скота следует причислить к самым решительным платоникам; он с презрением отвергает экспериментальный метод; он не признает иного средства познания, кроме внутреннего видения или экстаза. Куда это его приводит? К пропасти, в которой поглотились многие энтузиасты и которая все еще открыта, чтобы принять других. Эта пропасть — пантеизм. Рабан Мавр действует совершенно иным образом: он не мечтает, он наблюдает; он не спрашивает у чистого разума, что есть истина, он придает большое значение

понятиям, приходящим извне; и вместо того чтобы слепо бросаться навстречу заблуждению, он вовремя приостанавливает свое суждение, обсуждает вероятное и невероятное и останавливается лишь на том, что ему ясно доказано. Это перипатетический метод. Верный принципам этого метода, Рабан Мавр начинает науку о сущем с определения субстанции; и то, что он называет субстанцией, — это не универсальное целое пантеистов, а вот это, то, каждый из объектов, который в природе составляет индивидуально организованное целое. Таковы предпосылки номинализма. Вот, таким образом, с самого возрождения философского преподавания образуются две партии, высказывающиеся за два противоположных утверждения. Мы разовьем позже и лучше разясним то и другое из этих утверждений; пусть нам будет достаточно в данный момент отметить их расхождение.

Из этого расхождения родились схоластические споры. Говорят, что эти бури поднялись по поводу одной фразы Порфирия: это верно; но, когда рассматриваешь расположение ума и различные склонности собеседников, убеждаешься, что они бы все равно поссорились из-за того же вопроса, даже если бы Боэций не познакомил их с «Введением» Порфирия. В философию нельзя вступить, не переступив эту ступень: определение субстанции; и, как справедливо заметил г-н Руайе-Коллар, к этому определению могут быть сведены системы, кажушиеся самыми обширными и сложными.

Не будем предполагать, когда нам говорят о схоластике, что речь идет об особой доктрине. Если в наши дни термин «схоластика» употребляется как существительное, то посредством эллипсиса. В тринадцатом веке этот термин употреблялся только как прилагательное, для обозначения той или иной науки, изложенной систематическим образом для употребления в школах; так, у нас есть трактаты по схоластической философии, теологии, арифметике и даже истории. Не нужно искать дальше объяснения этого слова. Схоластическая философия — это просто философия, преподаваемая в школах Средневековья. Однако в этих школах, как